

Дейвид Элкинд

ЭРИК ЭРИКСОН И ВОСЕМЬ СТАДИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Детство и общество, Фонд Университетская Книга, Спб, 1996

Теорию Эрика Эриксона о делении нашего жизненного цикла на восемь стадий автор статьи называет одним из крупнейших вкладов в психоанализ и вообще в психологию. В отличие от Фрейда, Эриксон полагает, что характер человека хотя и формируется в детстве, но не раз и навсегда, а сохраняет способность значительно изменяться и дальше на каждом этапе жизни. Эриксоновская теория «кризиса идентификации» у подростков получила широкое распространение и за пределами профессиональных кругов.

Эрика Эриксона знают и читают сейчас в Соединенных Штатах, пожалуй больше, чем любого другого психоаналитика. В вузах всей страны на факультетах психологии и психиатрии используются книги Эриксона, и почти каждый учебник, имеющий дело с развитием человека, воспитанием и патронажем, описывает восемь стадий жизненного цикла человека, встречающегося на каждой стадии все с новыми и новыми проблемами и конфликтами. Выражение «кризис идентификации», введенное Эриксоном более чем четверть века тому назад, вошло в повседневный обиход американцев. Внимание, которое Эриксон уделял проблемам юности и зрелости, помогло избавиться от одностороннего взгляда на детство как на период необратимого формирования личности. Удостоились похвал также психоисторические и психосоциальные работы Эриксона. Его монография. «Лютер в молодости» (1958 г.) послужила канвой для шедшей на Бродвее пьесы, а «Правда Ганди» (1969 г.) Получила Пулитцеровскую Премию и Премию Национальной книги по отделу философии и религии. В последние годы Эриксон много пишет по вопросам общего характера. Последняя книга его «Игрушки и мотивации» (1976 г.). например, связывает творческий элемент в политической деятельности с детскими играми. Отнюдь не выводя поведение взрослого человека целиком из условий и событий его детства, Эриксон все же проводит четкие параллели между детскими играми и «стратегией игр» у взрослых, между повторяемостью действий в некоторых играх и ритуализмом таких форм политической жизни как голосование и введение в должность государственных деятелей.

Нужно подчеркнуть, что Эриксон отнюдь не отменяет, а именно развивает психоанализ, так как он принимает основные предпосылки фрейдизма, и на них надстраивает новые этажи. Этим Эриксон отличается от таких ранних сторонников Зигмунда Фрейда как Карл Юнг и Альфред Адлер, которые отошли от Фрейда, отвергли его положения и выдвинули собственные концепции. Отличается Эриксон и

от так называемых неофрейдистов, таких как Карен Хорни, Абрагам Кардинер и Гарри Стак Салливен, которые считали (ошибочно, как выяснилось), что фрейдизму нечего сказать о взаимоотношениях между человеком и обществом или человеком и культурой. Фрейд, как известно, подчеркивал роль сексуальных влечений в жизни человека, но делал он это из желания противодействовать жестким ограничениям, налагавшимся в те времена обществом на отношения полов, тем табу, которые зачастую служили причинами неврозов. Впоследствии однако Фрейд уделял гораздо больше внимания психической структуре личности, в частности ее сознательному Я, которое служит исполнительной властью в психике человека и хранит его сложившееся отношение к самому себе и окружающему миру. Наблюдения и теоретические построения Эриксона в основном касаются психосоциальных аспектов формирования Я. На этом пути Эриксону и удалось развить психоанализ, не отвергая и не игнорируя огромного вклада Фрейда.

Необычная биография

Этому выдающемуся ученому уже 76 лет. Седые волосы и усы, импозантная внешность и мягкость манер делают его похожим на таких актеров старого кино как Жан Хершолт и Пол Муни. В дружеском кругу Эриксон держится свободно и открыто, но, вообще говоря, отличается застенчивостью и избегает шумихи, сопровождающей известность. Эта его черта, усугубленная нежеланием предавать гласности действительные случаи из своей практики (даже с вымышленными именами), отчасти объясняет то, что Эриксон долго не опубликовывал свои наблюдения и выводы его первая книга «Детство и общество» появилась в 1950 году, когда автору исполнилось уже 48 лет.

В последние годы, однако, Эриксон стал печататься охотнее, и книги его появляются все чаще и чаще. До настоящего времени он опубликовал шесть работ, не считая ранее упомянутых монографий о Лютере и Ганди. Из этих книг наибольшее влияние на развитие современной психологической мысли оказала книга «Детство и общество». Несмотря на признание и похвалы, которые Эриксону принесли его работы, он по-прежнему озадачен общим интересом к себе и побаивается, что его могут неверно понять и истолковать. Он предпочел бы, чтобы внимание привлекали только его книги, а сам автор оставался в тени* но все-таки уступил настойчивым требованиям читателей, желавших знать больше о нем самом.

Жизнь ученого была разнообразной и необычной. Он родился в немецком городе Франкфурте-на-Майне, но родителями его были датчане. Его отчим, сам врач, уговаривал Эриксона учиться медицине, но Эриксон поначалу сделался художником и специализировался на детских портретах. Он поселился в Вене, и в частной обстановке познакомился с Фрейдом. В Вене же он стал изучать психоанализ и

успешно закончил курс. О направлении и широте интересов Эриксона можно судить уже по одному тому, что еще в самом начале своей деятельности он изучал систему Монтессори и получил диплом педагога-воспитателя. Не удивительно, что темами первых статей Эриксона были связи психоанализа с педагогикой.

Североамериканские индейцы и ветераны войны

В Вене Эриксон познакомился со своей будущей женой американской художницей Джоан Мойват Серсон, ставшей впоследствии консультантом и писательницей по вопросам психогигиены. В 1933 году супруги переехали в США: Эриксон был приглашен в Бостон в качестве преподавателя и специалиста по детскому психоанализу. В Бостоне оказался одним из пионеров в этой области. В течение следующих двадцати лет Эриксон сочетал работу в клинике с преподаванием в Гарвардском, Йельском и Калифорнийском университетах. В 1951 году он присоединился к группе психиатров и психологов, которые переехали в Стокбридж (Массачусетс), чтобы в частной клинике Центр Остин Риггс проводить новую программу обучения и воспитания детей с физическими и психическими недостатками. Там Эриксон оставался до 1961 года, когда он получил место профессора по кафедре развития человека и преподавателя психиатрии в Гарварде. В 1971 году он вышел на пенсию и переселился в северную Калифорнию. Там он много пишет и поддерживает связь с университетами и клиниками, обращающимися к нему за консультацией. Эриксон никогда не принадлежал к психоаналитикам обычного типа, может быть потому, что жизнь свою начал художником. Когда он, например, работал с детьми, то всегда добивался возможности повидать их в домашней обстановке и принять участие в семейных трапезах. Необычный подход он проявил и в 1930-х годах, переселившись сперва в Южную Дакоту, а затем на север Калифорнии, чтобы наблюдать жизнь индейцев в резервациях и собрать фактический материал для научной работы. Его очерки о жизни у индейцев показывают, как чутко и глубоко Эриксон способен воспринимать чужой быт и нравы.

У индейцев Эриксон обнаружил синдром невроза, необъяснимого с точки зрения классического психоанализа. Основным источником душевного смятения индейца, видимо, служило ощущение беспочвенности, оторванности от корней, разрыв между нынешним образом жизни и тем, который сохранился в преданиях племени. Индеец ощущал пропасть не только за спиной у себя, но и впереди, на пути ассимиляции. Психологические конфликты такого рода, как догадался Эриксон, тесно связаны с человеческим «Я» и с культурой, но имеют очень мало отношения к сексуальным влечениям, которые ставил во главу угла Фрейд.

Догадка, возникшая у Эриксона в индейских резервациях, окрепла в годы Второй мировой войны, когда он работал в Сан-Францисском центре восстановления

трудоспособности инвалидов войны.

Многие инвалиды, с которыми Эриксону и его коллегам приходилось иметь дело, не соответствовали классическому представлению о жертвах контузии, сложившемуся в Первую Мировую Войну. Они казались Эриксону людьми, потерявшими представление о том, кто они такие. Их чувства, мысли и действия в роли солдат слишком резко отличались от их образа жизни и мышления до

войны. Даже если в психике этих солдат и возникали конфликты в связи с подавленными сексуальными влечениями, главное их затруднение, по мнению Эриксона, заключалось в том, что он назвал тогда «идентификационной спутанностью», то есть неспособностью индивида опознать свое «Я».

Восемь стадий человека

Прошло почти десятилетие, прежде чем Эриксон систематизировал свои клинические наблюдения и изложил свою концепцию в книге «Детство и общество». Суммируя пятнадцать лет практической и теоретической работы, он выдвинул три новые положения, ставшие тремя важными вкладами в изучение человеческого «Я».

Во-первых, Эриксон предположил, что наряду с описанными Фрейдом фазами психосексуального развития (оральной, анальной, фаллической и генитальной), в ходе которого меняется направленность влечения (от аутоэротизма к внешнему объекту), существуют и психологические стадии развития «Я», в ходе которого индивид устанавливает основные ориентиры по отношению к себе и своей социальной среде.

Во-вторых, Эриксон утверждал, что становление личности не заканчивается в подростковом возрасте, но растягивается на весь жизненный цикл.

И, наконец, Эриксон говорил, что каждой стадии присущи свои собственные параметры развития, способные принимать положительные и отрицательные значения.

Доверие и недоверие. Первая стадия развития человека соответствует оральной фазе классического психоанализа и обычно охватывает первый год жизни. В этот период, считает Эриксон, развивается параметр социального взаимодействия, положительным полюсом которого служит доверие, а отрицательным — недоверие. Степень доверия, которым ребенок проникается к окружающему миру, к другим людям и к самому себе, в значительной степени зависит от проявляемой к нему заботы. Младенец, который получает все, что хочет, потребности которого быстро удовлетворяются, который никогда долго не испытывает недомогания, которого баюкают и ласкают, с которым играют и разговаривают, чувствует, что мир, в общем, место уютное, а люди - существа отзывчивые и услужливые. Если же ребенок не получает должного ухода, не встречает любовной заботы, то в нем вырабатывается недоверие - боязливость и подозрительность по отношению к миру вообще, а к людям в частности, и недоверие это несет с собой в другие стадии своего развития.

Необходимо подчеркнуть, однако, что вопрос о том, какое начало одержит верх, не решается раз и навсегда в первый год жизни, но возникает заново на каждой последующей стадии развития. Это и несет надежду и таит угрозу. Ребенок, который приходит в школу с чувством настороженности, может постепенно проникнуться доверием к какой-нибудь учительнице, не допускающей несправедливости по отношению к детям. При этом он может преодолеть первоначальную недоверчивость. Но зато и ребенок, выработавший в младенчестве доверчивый подход к жизни, может проникнуться к ней недоверием на последующих стадиях развития, если, скажем, в случае развода родителей в семье создается обстановка, переполненная взаимными обвинениями и скандалами.

Достижение равновесия

Самостоятельность и нерешительность. Вторая стадия охватывает второй и третий год жизни, совпадая с анальной фазой фрейдизма. В этот период, считает Эриксон, у ребенка развивается самостоятельность на основе развития его моторных и психических способностей. На этой стадии ребенок осваивает различные движения, учится не только ходить, но и лазать, открывать и закрывать, толкать и тянуть, держать, отпускать и бросать. Малыши наслаждаются и гордятся своими новыми способностями и стремятся все делать сами: разворачивать леденцы, доставать витамины из пузырька, спускать в туалете воду и т.д. Если родители предоставляют ребенку делать то, на что он способен, а не торопят его, у ребенка вырабатывается ощущение, что он владеет своими мышцами, своими побуждениями, самим собой и в значительной мере своей средой — то есть у него появляется самостоятельность.

Но если воспитатели проявляют нетерпение и спешат сделать за ребенка то, на что он и сам способен, у него развивается стыдливость и нерешительность. Конечно, не бывает родителей, которые ни при каких условиях не торопят ребенка, но не так уж неустойчива детская психика, чтобы реагировать на редкие события. Только в том случае, если в стремлении оградить ребенка от усилий родители проявляют постоянное усердие, неразумно и неустанно браня его за «несчастные случаи», будь то мокрая постель, запачканные штанишки, разбитая чашка или пролитое молоко, у ребенка закрепляется чувство стыда перед другими людьми и неуверенность в своих способностях управлять собой и окружением.

Если из этой стадии ребенок выйдет с большой долей неуверенности, то это неблагоприятно отзовется в дальнейшем на самостоятельности и подростка, и взрослого человека. И наоборот, ребенок, вынесший из этой стадии гораздо больше самостоятельности, чем стыда и нерешительности, окажется хорошо подготовлен к развитию самостоятельности в дальнейшем. И опять-таки соотношение между самостоятельностью с одной стороны и стыдливостью и неуверенностью с другой,

установившееся на этой стадии, может быть изменено в ту или другую сторону последующими событиями.

Предприимчивость и чувство вины. Третья стадия обычно приходится на возраст от четырех до пяти. Дошкольник уже приобрел множество физических навыков, он умеет и на трехколесном велосипеде ездить и бегать, и резать ножом, и камни швырять. Он начинает сам придумывать себе занятия, а не просто отвечать на действия других детей или подражать им. Изобретательность его проявляет себя и в речи, и в способности фантазировать. Социальный параметр этой стадии, говорит Эриксон, развивается между предприимчивостью на одном полюсе и чувством вины на другом. От того как в этой стадии реагируют родители на затеи ребенка во многом зависит, какое из этих качеств перевесит в его характере. Дети, которым предоставлена инициатива в выборе моторной деятельности, которые по своему желанию бегают, борются, возятся, катаются на велосипеде, на санках, на коньках, вырабатывают и закрепляют предприимчивость. Закрепляет ее и готовность родителей отвечать на вопросы ребенка (интеллектуальная предприимчивость) и не мешать ему фантазировать и затевать игры. Но если родители показывают ребенку что его моторная деятельность вредна и нежелательна, что вопросы его назойливы, а игры бестолковы, он начинает чувствовать себя виноватым и уносит это чувство вины в дальнейшие стадии жизни.

Умелость и неполноценность. Четвертая стадия — возраст от шести до одиннадцати лет, годы начальной школы. Классический психоанализ называет их латентной фазой. В этот период любовь сына к матери и ревность к отцу (у девочек наоборот) еще находится в скрытом состоянии. В этот период у ребенка развивается способность к дедукции, к организованным играм и регламентированным занятиям. Только теперь, например, дети как следует учатся играть в камешки и другие игры, где надо соблюдать очередность. Эриксон говорит, что психосоциальный параметр этой стадии характеризуется умелостью с одной стороны и чувством неполноценности с другой.

В этот период у ребенка обостряется интерес к тому, как вещи устроены, как их можно освоить, приспособить к чему-нибудь. Этому возрасту понятен и близок Робинзон Крузо; в особенности отвечает пробуждающемуся интересу ребенка к трудовым навыкам энтузиазм, с которым Робинзон описывает во всех подробностях свои занятия. Когда детей поощряют мастерить что угодно, строить шалаши и авиамодели, варить, готовить и рукодельничать, когда им разрешают довести начатое дело до конца, хвалят и награждают за результаты, тогда у ребенка вырабатывается умелость и способности к техническому творчеству. Напротив, родители, которые

видят в трудовой деятельности детей одно «баловство» и «пачкотню», способствуют развитию у них чувства неполноценности.

В этом возрасте, однако окружение ребенка уже не ограничивается домом. Наряду с семьей важную роль в его возрастных кризисах начинают играть и другие общественные институты. Здесь Эриксон снова расширяет рамки психоанализа, до сих пор учитывавшего лишь влияние родителей на развитие ребенка. Пребывание ребенка в школе и отношение, которое он там встречает, оказывает большое влияние на уравновешенность его психики. Ребенок, не отличающийся сметливостью, в особенности может быть травмирован школой, даже если его усердие и поощряется дома. Он не так туп, чтобы попасть в школу для умственно отсталых детей, но он усваивает учебный материал медленнее, чем сверстники, и не может с ними соревноваться. Непрерывное отставание в классе несоразмерно развивает у него чувство неполноценности. Зато ребенок, склонность которого мастерить что-нибудь заглохла из-за вечных насмешек дома, может оживить ее в школе благодаря советам и помощи чуткого и опытного учителя. Таким образом, развитие этого параметра зависит не только от родителей, но и от отношения других взрослых.

Кризис подросткового возраста

Идентификация личности и путаница ролей. При переходе в пятую стадию (12-18 лет) ребенок сталкивается, как утверждает классический психоанализ, с пробуждением «любви и ревности» к родителям. Успешное решение этой проблемы зависит от того, найдет ли он предмет любви в собственном поколении. Эриксон не отрицает возникновения этой проблемы у подростков, но указывает, что существуют и другие. Подросток созревает физиологически и психически, и в добавление к новым ощущениям и желаниям, которые появляются в результате этого созревания, у него развиваются и новые взгляды на вещи, новый подход к жизни. Важное место в новых особенностях психики подростка занимает его интерес к мыслям других людей, к тому, что сами о себе думают. Подростки могут создавать себе мысленный идеал семьи, религии, общества, по сравнению с которым весьма проигрывают далеко несовершенные, но реально существующие семьи, религии и общества. Подросток способен вырабатывать или перенимать теории и мировоззрения, которые сулят примирить все противоречия и создать гармоническое целое. Короче говоря, подросток — это нетерпеливый идеалист, полагающий, что создать идеал на практике не труднее, чем вообразить его в теории.

Эриксон считает, что возникающий в этот период параметр связи с окружающим колеблется между положительным полюсом идентификации «Я» и отрицательным полюсом путаницы ролей. Иначе говоря, перед подростком,

обретшим способность к обобщениям, встает задача объединить все, что он знает о себе самом как о школьнике, сыне, спортсмене, друге, бойскауте, газетчике и так далее. Все эти роли он должен собрать в единое целое, осмыслить его, связать с прошлым и проецировать в будущее. Если молодой человек успешно справится с этой задачей — психосоциальной идентификацией, то у него появится ощущение того, кто он есть, где находится и куда идет. В отличие от предыдущих стадий, где родители оказывали более или менее прямое воздействие на исход кризисов развития, влияние их теперь оказывается гораздо более косвенным. Если благодаря родителям подросток уже выработал доверие, самостоятельность, предприимчивость и умелость, то шансы его на идентификацию, то есть на опознание собственной индивидуальности, значительно увеличиваются.

Обратное справедливо для подростка недоверчивого, стыдливого, неуверенного, исполненного чувства вины и сознания своей неполноценности. Поэтому подготовка к всесторонней психосоциальной идентификации в подростковом возрасте должна начинаться, по сути, с момента рождения.

Если из-за неудачного детства или тяжелого быта подросток не может решить задачу идентификации и определить свое «Я», то он начинает проявлять симптомы путаницы ролей и неуверенность в понимании того, кто он такой и к какой среде принадлежит. Такая путаница нередко наблюдается у малолетних преступников. Девочки, проявляющие в подростковом возрасте распущенность, очень часто обладают фрагментарным представлением о своей личности и свои беспорядочные половые связи не соотносят ни со своим интеллектуальным уровнем, ни с системой ценностей. В некоторых случаях молодежь стремится к «негативной идентификации», то есть отождествляет свое «Я» с образом, противоположным тому, который хотели бы видеть родители и друзья. Но иногда лучше идентифицировать себя с «хиппи», с «малолетним преступником», даже с «наркоманом», чем вообще не обрести своего «Я».

Однако тот, кто в подростковом возрасте не приобретает ясного представления о своей личности, еще не обречен оставаться неприкаянным до конца жизни. А тот, кто опознал свое «Я» еще подростком, обязательно будет сталкиваться на жизненном пути с фактами, противоречащими или даже угрожающими сложившемуся у него представлению о себе. Пожалуй, Эриксон больше всех других психологов-теоретиков подчеркивает, что жизнь представляет собой непрерывную смену всех ее аспектов и что успешное решение проблем на одной стадии еще не гарантирует человека от возникновения новых проблем на других этапах жизни или появление новых решений для старых, уже решенных, казалось, проблем.

Конфликты среднего возраста

Близость и одиночество. Шестой стадией жизненного цикла является начало зрелости — иначе говоря, период ухаживания и ранние годы семейной жизни, то есть от конца юности до начало среднего возраста. Об этой стадии и следующей за ней классический психоанализ не говорит ничего нового или, во всяком случае, ничего важного. Но Эриксон, учитывая уже совершившееся на предыдущем этапе опознание «Я» и включение человека в трудовую деятельность, указывает на специфический для этой стадии параметр, который заключен между положительным полюсом близости и отрицательным — одиночества.

Под близостью Эриксон понимает не только физическую близость. В это понятие он включает способность заботиться о другом человеке и делиться с ним всем существенным без боязни потерять при этом себя. С близостью дело обстоит так же, как с идентификацией: успех или провал на этой стадии зависит не прямо от родителей, но лишь от того, насколько успешно человек прошел предыдущие стадии. Так же как в случае идентификации, социальные условия могут облегчать или затруднять достижение близости. Это понятие не обязательно связано с сексуальным влечением, но распространяется и на дружбу. Между однополчанами, сражавшимися бок о бок в тяжелых боях, очень часто образуются такие тесные связи, которые могут служить образчиком близости в самом широком смысле этого понятия. Но если ни в браке, ни в дружбе человек не достигает близости, тогда, по мнению Эриксона, уделом его становится одиночество— состояние человека, которому не с кем разделить свою жизнь и не о ком заботиться.

Общечеловечность и самопоглощенность. Седьмая стадия — зрелый возраст, то есть уже тот период, когда дети стали подростками, а родители прочно связали себя с определенным родом занятий. На этой стадии появляется новый параметр личности с общечеловечностью. Она одном конце шкалы и самопоглощенностью на другом.

Общечеловечностью Эриксон называет способность человека интересоваться судьбами людей за пределами семейного круга, задумываться над жизнью грядущих поколений, формами будущего общества и устройством будущего мира. Такой интерес к новым поколениям не обязательно связан с наличием собственных детей — он может существовать у каждого, кто активно заботится о молодежи и о том, чтобы в будущем людям легче жилось и работалось. Тот же, у кого это чувство сопричастности человечеству не выработалось, сосредоточивается на самом себе и главной его заботой становится удовлетворение своих потребностей и собственный комфорт.

Цельность и безнадежность. На восьмую и последнюю стадию в классификации Эриксона приходится период, когда основная работа жизни

закончилась и для человека наступает время размышлений и забав с внуками, если они есть. Психосоциальный параметр этого периода заключен между целостностью и безнадежностью. Ощущение цельности, осмысленности жизни возникает у того, кто, оглядываясь на прожитое, ощущает удовлетворение. Тот же, кому прожитая жизнь представляется цепью упущенных возможностей и досадных промахов, осознает, что начинать все сначала уже поздно и упущенного не вернуть. Такого человека охватывает отчаяние при мысли о том, как могла бы сложиться, но не сложилась его жизнь.

Новый вклад в психоанализ

Таковы основные стадии жизненного цикла в классификации Эриксона. Его подход вызывает далеко идущие изменения в традиционных взглядах психоанализа на формирование личности и эмоциональные кризисы у взрослых. Распространяя период формирования личности на весь жизненный цикл, Эриксон говорит, что каждому возрасту, в том числе среднему и пожилому, присущи свои эмоциональные кризисы. Это позволяет врачу-психиатру видеть в эмоциональных проблемах взрослого человека не просто (и уже, во всяком случае, не только) неустранимые последствия разочарований и потрясений детства, но конфликты, типичные для зрелого возраста и, может быть, поддающиеся лечению.

Кроме того, такой взгляд на формирование личности перекладывает часть ответственности с родителей на самого индивида и на общество. И наконец, расширяя классический психоанализ, Эриксон обнадеживает нас тем, что у каждой стадии есть свои сильные, а не только слабые стороны, и что неудача на одной стадии может быть исправлена последующими удачами на других. То новое, что Эриксон внес в психоанализ, яснее всего проступает в его психоисторических очерках, соединяющих глубину психологического анализа с широтой исторической перспективы. Опубликовав в 1950 году работу «Детство и общество», Эриксон приложил свою теорию жизненного цикла к биографиям выдающихся людей. Он написал несколько блестящих очерков о Максиме Горьком, Джордже Бернарде Шоу и Фрейде. В этих психологических портретах отразился также проницательный подход Эриксона к социальной и политической истории Европы и знание европейской литературы. В каждом очерке избранный деятель вырастает до размеров исторической фигуры, которая несет на себе отпечаток эпохи и накладывает на эпоху собственный отпечаток. Как и последующие монографии, эти очерки Эриксона выделяются из жанра психоаналитической биографии тем, что совмещают изучение индивидуальной личности с историческим анализом.

В этом жанре Эриксону особенно удалось две монографии: одна об основателе немецкого протестантизма Мартине Лютере, другая о поборнике ненасильственного

сопротивления Махатме Ганди. Интересно отметить, что в жизни самого Эриксона были моменты, сходные с кризисами анализируемых деятелей: кризис идентификации при выборе профессии, как у Лютера, и кризис общечеловечности (заботы пожилого человека о судьбе младших поколений), как у Ганди, который предпринял первый ненасильственный протест в возрасте 48 лет, в том самом возрасте, в котором Эриксон опубликовал свою первую книгу «Детство и общество». Заслуги Эриксона в области психиатрии, психологии, педагогики и патронажа получили широкое международное признание, и тем не менее не все выводы его встречают безоговорочное одобрение. Психологи Дуван и Эделсон в книге «Опыт подростка» утверждают, что теория идентификации Эриксона, может быть, справедлива для мужчин, но к женщинам она неприменима. Их исследования показывают, что у женщин окончательное представление о собственном «Я» создается лишь после брака и достижения близости. Задержку они объясняют тем, что женщина частично отождествляет себя с мужчиной, за которого выходит замуж.

Критикуют Эриксона и за излишний оптимизм, с которым он смотрит на человечество и на способность человека залечивать психические травмы. Однако этим критикам можно возразить, что взгляды Эриксона служат необходимым противовесом высокомерному пессимизму классических фрейдистов, ничего хорошего в человеке не видящих. Теперь уже всем ясно, как теории Эриксона омолодили психоанализ. Психоаналитики нового поколения заявляют, что могут свободно рассматривать Фрейда в исторической перспективе и признавать его великим ученым, но в то же время отвергать некоторые положения Фрейдизма. Эрик Эриксон оказал животворное действие на несколько захиревший было психоанализ, распространив его положения на формирование личности в зрелом возрасте и приложив их к широкому полотну истории человечества.

Дейвид Элкин^{*}

^{*} Дейвид Элкин, профессор психологии, психиатрии и педагогики Рочестерского университета в штате Нью-Йорк руководит школой для умственно отсталых детей при этом университете. Из книг Элкина следует отметить «Развитие и воспитание ребенка», которая опирается на основополагающие работы швейцарского психолога Жана Пиаже, и «Очерки человеческого развития» (соавтор Д.С.Хетцель). Другие работы Элкина: «Развитие ребенка»(соавтор И.Б.Вейнер), «Ребенок и общество»(сборник эссе) и «Детская действительность».